

ЮБИЛЕЙ

Суббота. "Мафильм". Павильон

Кажется, я пропустила самое интересное — в павильоне, где развернулся Сабо, случился пожар. — Все закричали: "Пожар, пожар", — говорит мне Табаков, сидя на лавочке. — И главное, все уже на площадке, еще не начали снимать, а тут... Но его зовут на площадку, и я не успеваю спросить: мол, может, теракт? В павильоне Табаков — белая рубашка, черный жилет — садится за стол. Трубка отправляется в рот, и он с важным видом произносит: — Чего ты не додал нашему болвану, главному инженеру? — Неки нем келл шемми... — отвечает ему знойный красавец венгр. А Табаков ему в ответ, естественно, по-русски: "Что у нас со свинофермой?" Оба делают вид, что здорово понимают: один — венгерский, другой — русский языки. В этот момент Сабо останавливает съемку.

ХУДРУК МХТ В КАНУН 70-ЛЕТИЯ: "В Голливуде у меня денег было бы больше, чем у Видова и Крамарова"

КАК ТАБАКОВ ЗА ДУНАЕМ ПРАВИЛ

За фильм "Мефисто" Сабо получил "Оскара".

Иштван Сабо — знаменитый венгр с мировым именем. Четыре раза его фильмы номинировали на "Оскара", победил один — "Мефисто" с Клаусом Марией Брандауэром в главной роли. Работает с голливудскими звездами — Харви Кейтелем, Джереми Айронсом, про Брандауэра уже сказала, Табаков у него уже снимался в картине "Мнение сторон". Мастер тонкого психологизма и высококачественных картин. В полумраке я наконец могу рассмотреть небольшой павильон. В общем, домик нехилый — на стенах пять портретов в золоченых рамках и столько же жанровых картинок — в основном войки на лошадях. Шкаф со старинной резьбой, книги с золотым тиснением. На столе, за которым сидит Табаков, бронзовые статуэтки и десять курительных трубок в кружок на специальной подставке. Дубль второй. — Ведь он — оппозиционер. Оппозиция — вещь хорошая (кашляет), полезная даже. Как иначе избиратели будут уверены, что дела у власти движутся правильно. Как получилось, Пишта, что ты сдружился с ним? В этот момент Табаков из благодущия, как с ледяной горы, со скоростью влетает в гнев: — Он не родственник! Он говно собачье!!! Другой бы на его месте со своим оппозиционерством уж состояние бы нашёл. А у него... ведь ничего нет, умеет (ехидно) только в карты играть (похоты-вавет). И в карты он играет плохо (хохочет, издаёт звуки с непередаваемыми оттенками). — Спасибо большое, — говорит по-русски переводчица Жука, рыжая и вся в конопушках. Мы выходим на улицу. Снова садимся на лавочку. Табаков жмурится на солнце. — Олег Павлович, что за страсти по свиноферме? — Какая свиноферма! Это страсти по финансам. События происходят в 28-м году, но такое вполне может быть и сегодня. В самом деле, как же это я не сообразила насчет самой модной сегодня забавы: отхватить государственные деньги, откатить часть госчиновникам, а часть себе притерпеть. А классик венгерской литературы Жигмонд Мориц еще в 1928 году про все это написал в своем романе "Родст

венники". И про круговую поруку среди свояков, земляков и бывших членов по партии. И про то, как молодых и наивных демократов разводят и делают из них козлов отпущения. Этим как раз и занимается Табаков, он же господин бургомистр. — А вы, Олег Павлович, мерзкий? То есть я хотела спросить — ваш герой, бургомистр? — Он нормальный, крепко сидящий на своем месте 30 лет. По сути дела, он — основа государственного строя. А постольку-поскольку надо время от времени кого-то сдавать, сдал молодого. — Значит, все-таки мерзкий, — безнадежно вздыхаю. — Можно и так сказать. Но, знаешь, бывает мерзкий как отвратительный, а бывает мерзкий, но милый. Вот это похуже. Народу в павильоне туча — на одну душу Табакова двадцать киношников с микрофонами на штанкетах, камера с четырьмя операторами. Гример с пуховкой, девочка с блоком, парень с хлопотушкой. В углу худой мужик гонит дым черной доской. По стенам жмутся еще какие-то люди. И все они шикают, если чуть повысит голос. Да что там голос, ботинком скрипнуть нельзя: тут же оглядываются и делают ужасные глаза. "А если кто-то пукнет? — думаю я. — Убьют на месте". В группе Сабо должна быть тишина, как в усыпальнице. Непозволительно даже говорить на улице, за пределами павильона. Впрочем, сам великий Сабо не похож на того, кто чувствует себя царем, богом или гуру на съемочной площадке. Он не кричит: "Мотор!" Он, будто стеснясь, произносит "кэздыонк", то есть "начинаем", взмывает ладонью, точно провожает поезд. Однако такая кротость — видимость. Рассказывают, что на съемках фильма "Мнение сторон" он так сцепился с Харви Кейтелем, что: — Шумела буря, гром гремел, — подтверждает Табаков, на которого в упор смотрит Сабо, а совсем не в монитор, как принято у многих режиссеров. Но он — не многие. Сабо — один. "Мафильм", который теперь в год выпускает 20—25 фильмов, некогда совместно с СССР сделал много картин, но в историю, по сути, попали две: "Альба Регия" с Татьяной Самойловой в главной роли (1961 год) и "Ференц Лист" о русской возлюбленной знаменитого музыканта. — Самойлову мы пригласили после того, как она

победила в Каннах, — объясняет директор бывшей и нынешней картин Лайош Овари. — Красивая артистка и женщина скромная. Гонорар получала в форинтах, но небольшой. Ничего себе особенного не позволяла, может, знала, что за вашими актерами присматривали. А про Листа вспомнил такую историю. Снимали двумя группами: в Венгрии и под Петербургом. Зима, мороз, венгерская группа приезжает на площадку, а русской нет. Ждут полчаса, час... уже околели от холода. Лайош звонит русскому директору, а тот ему: "Ты что, мы в 28 градусах не работаем". — "А мы, значит, работаем?" — "А разве вас не предупредили?" Но вообще, за исключением этого инцидента, ничего дурного в памяти не осталось. Наоборот — красивые артистки: Лучко, Шенгелая. Минут через 10 снова выходим на улицу. Возникает несколько вопросов. Первый — как актеры, не понимая друг друга, так убедительно играют? Чернявый партнер Табакова — Чани Шандор, такая же звезда, как у нас, скажем, Балухев или Безруков, говорит мне, что даже очень помогает, когда Табаков говорит с ним по-русски — интенсивнее идет работа. И еще, что хорошо смотреть ему в глаза, потому что он берет партнера сразу. — Я очень хотел бы выглядеть так же, как Табаков, когда мне будет 70 лет, — усмехается этот 30-летний красавец. Еще вопрос — но уже со сценарием в руках: — В сценарии, Олег Павлович, никаким, извините, говном, не пахнет, о котором вы кричите в гневе. — Ну, это я от себя. Иначе непонятен мой взрыв: он должен быть эмоциональным и неконтролируемым. Во всем фильме бургомистр уважаемый, серьезный, уверенный в себе руководитель. А тут, когда он узнает о контакте оберпрокурора с оппозиционером я кричу: "Какой он родственник? Говно он, а не родственник". Причем произносит это с такой же отдачей, как на площадке. Другой молодой актер Чобо Пинтроп, который играет незаконнорожденного сына Табакова, говорит мне, что верит, будто Табаков и есть бургомистр. А кто бы в этом сомневался? — Олег Павлович, чем отличается работа у

Сабо от работы у других режиссеров? — Высокий профессионал! Сочинил фильм, знает, что нужно, и отбирает, что ему нужно. Снимает сцену и эдак, и так, и наперекосяк, чтобы множество вариантов иметь. По-другому не может, не хочет и не будет работать. — А как платят? — У американцев можно заработать. Здесь значительно скромнее, скромнее даже, чем у нас. Но "Родственники" — это не для денег. — Прощую вас, Олега Павлович, — вкрадчивым голосом говорит крупняк в черной майке — ассистент по актерам Габор. И Табаков вперевалочку, как по палубе, отправляется в павильон. В Будапеште он снимается по 12 часов в день. В 7.10 за ним в гостиницу приходит машина. Около 8.00 начинается смена. Рубашка на Табакове

идеальной белизны. А вот ботиночки... — Стати, почему у вас все время на съемках развязаны шнурки? — А я не люблю завязывать. В камеру все равно не видно. Воскресенье. Центр Будапешта 12.00. Табаков выходит из гостиницы. На улице уже жарит. Справа — Дунай, слева — главный туристический психодром с магазинами и ресторанами. Куда пойдем — спрашивать не надо: естественно, на улицу Вац. — Сядем здесь, — говорит Олег Павлович, — потому что я здесь уже ел. Официантка дает нам меню с ланчем. А он ей: — Ты это брось, дочка. Обедать будем. Ферштейн? И переходит на английский. Довольно приличный. — А говорите, что языком не владеете. — Это потому, что стесняюсь. Ведь самое смешное: язык начинается с простых вещей — спросить, как пройти в сортир, где пожить, купить и сколько стоит, а уж потом к этому конструкции прирастают. Я рассказывал тебе, как впервые заговорил на английском? В Шеффилде в театре у Питера Джеймса было два переводчика — один в прошлом актер театра Образцова, невозвращенец Борька Инсаров. А вот второго мне представило Министерство культуры. И оба заболели в один день. Тогда менеджер — из одесских иммигрантов — пришел ко мне: "Олег, надо репетировать сегодня". — "С ума сошел! Как я буду без переводчика?" — "Пойми, надо". — "Да не могу я". — "Если не будешь репетировать, я очень большую неустойку заплачу". — "Нет, нет". И так десять минут: нет — да, нет — да. И под конец он вдруг пускает слезу: а ведь старик, лет под 80. Я: "Да, да, будь репетировать". За что старик-то страдать должен? Табаков заказывает нам по рыбному супчику. — Венгрия в вашей жизни. Помните первый приезд? — Давно было: в составе делегации на днях советского кино. Потом "Современник" был на гастролях — играли коротенькую пьесу, где два руководящих деятеля не могут обуздать рвущегося к свободе переводного рабочего. А потом три года я ездил в город Веспрем, где сделал "Обык-

новенную историю", "Ревизора" и "Полоумного Журдена". Это случилось до того, как Гришин (первый секретарь горкома партии Москвы в 80-е годы. — М.Р.) украл годы из моей жизни. Шесть лет! Кёсёнем. То есть "спасибочки" по-венгерски — официантке, которая принесла приборы. — Постойте, Олег Павлович. Внесите ясность в мое сознание: вы — популярный, обласканный властями артист, со всеми московскими начальниками вась-вась, а с Гришиным, которого никто уже не помнит... Совершенно непонятно. — Я могу тебе сказать. Я был его любимцем, это он, когда ушел Ефремов, назначил меня, 34-летнего, директором "Современника". Выдвинул чуть ли не членом в кандидаты горкома партии, в общем, числил в приближенных. А я после всего этого... не то что по мудаковатости, а просто не выдержал глупости. Он ведь на всех празднествах и пленумах говорил: мол, вот какой замечательный подарок горком сделал "Современнику" — здание на Чистопрудном бульваре. И как-то, выступая на очередном заседании, то-

же ляпнул: "Вот, наш подарок молодому театру". Какой, к черту, молодой — уже 16 лет прошло. Ну я и вылез: "Какой подарок?" — сказал я. Ведь "Современник", когда находился на площади Маяковского, по сути был безбюджетным, призрачным театром. А когда его перевели на Чистопрудный, то из-за амортизационных отчислений (кстати, там раньше был купеческий клуб и при нем небольшой публичный дом) стал убыточным, дотационным. И вот с этого все пошло. — Только честно — зачем на рожон полезли? — Знаешь, просто не выдержал. Глупо это было — ведь ничего же не изменишь. Сорри. Кен ю гив ми... (официантке). Все тогда посмотрели на меня с удивлением, мол, мудака, что ли? Я, а не он. И он вышел на тропу войны — не дал открыться театру, подвалу то есть: показал, что хозяин в лавке. Мои друзья устроили мне встречу с Суслым, и он дал понять: "Все могу, но в дела Москвы не вмешиваюсь". В общем, два года я был невыездым. А в конце 79-го в Москве гастролировала знаменитая пара Хью Гроним и Джессика Танди. Они играли спектакль "Игра в джиг". Пришли к нам в подвал и прямо забалдели: "Давай, возьми нас в ученики". Стали думать, как технически оснастить подвал. "А можно ли дать денег?" — спросили. — Тысяч 100 или больше? Я сказал: "Нет, нельзя". Кончилось все тем, что они оставили деньги и нам через посольство купили суперсовременную радиоаппаратуру. — А почему вы деньги не взяли? Тем более что не вам лично, а на дело. Испугались подслушивающих жучков? — Нет, не испугался. Просто я немножко чистолю в таких вопросах. Я даже знаю, что это глупо, но мне всегда казалось, что с этой властью лучше так. Всерьез у КГБ ко мне ничего не было. Землю свою я всегда любил не за что-то, а просто по дружбе и по любви. Я родился с этим. Американцы ведь предлагали мне всерьез работать. — Это был правильный суп, — вставляю я. — Ну что ты! Супец что надо. — Вы, я вижу, страну через живот воспринимаете? — Нет. Через людей. Страна — это не музеи и не памятники, а человек, который может рассказать о своей любви. Таким человеком здесь был Эркень, великий писатель. Если завтра раньше за-

кончим, съезжу к нему на могилку. — Когда же это было — с работой в Америке? — В 80-е годы. Я два года преподавал в Оксфорде, во Флориде, в Нью-Йорке и в самом маленьком штате, как он называется? Они мне предлагали положение "гость-профессор". Что это давало? Грин-карт сначала, а потом и гражданство. По тем временам очень хорошие деньги — больше 4 тысяч в месяц. И каждый год для меня и для жены — в Европу билет и машину. Но... может, оттого, что... ну, не совпадает у нас группа крови... Цитирует из Блока про березки и Россию. — Давайте забудем про Блока. Вы же умный человек, понимали, что в СССР ничего не изменишь. — Да я вообще думал, что максимум либерализации, которая возможна в этой стране, — это реабилитация Николая Ивановича Бухарина. Я даже задал этот вопрос Хрущеву, когда тот, уже будучи в отставке, пришел в "Современник": "Почему не реабилитировали?" — "Не успел". Так что все я понимал. — И вы понимали, что, работая в Штатах, могли стать вторым Ждановым (ученик Михаила Чехова. — М.Р.), сохранить в чистоте русскую театральную школу? — Да я думаю, что и вторым Михаилом Чеховым мог бы стать. Но... Не по мне!!! Нет, Мариш, это зависит от того, кому что больше нравится: кому Конституция, кому северюжина. Театральный человек вне этой земли? Да нет смысла! — А как вы думаете, в Голливуде вы смогли бы сделать карьеру? — Умственная постановка вопроса. Но, судя по тому, как я схватываю, денег было бы значительно больше, чем у Видова или Крамарова. Я небезосновательно это говорю: в нескольких американских фильмах снимался, говоря на английском. По-моему, я рассказывал тебе историю, которая могла повернуть судьбу. — Мне нравится судьбоносная направленность нашего обеда. — В 67-м году "Современник" готовил спектакль "Большевики" — подарок к 50-летию советской власти. Председатель цензурского комитета Романов усмотрел в пьесе крамолу, а Екатерина Фурцева, министр культуры, стала на нашу сторону. В это время в Москву приехала жена режиссера Карела Райша (чеха по происхождению, англичанина по гражданству), замечательная французская артистка Бетси Блэр. Ей послал муж, чтобы она нашла в Москве артиста, который бы сыграл Есенина в фильме "Айседора", с Ванессой Редгрейв в главной роли. И через маму Миши Казакова, говорившую по-французски, она вышла на меня. Я ей глянулся, и был заключен контракт — на 48 тысяч фунтов. Это нереально!!! Фурцева позволила изъять сценарий из Госкино, Сашка Свободин перевел его, мне разрешили играть 5 ноября мне нужно было лететь в Лондон примерять котелок, ботинки, фрак. Ну вот... Вот ты говоришь, патриотизм. В "Современнике" не скажу что все, но несколько человек жили по законам совести. И я отказался лететь перед премьерой. Если бы я уехал, может, и не очень-то подвел: роль у меня была не главная, но острый момент был — театр, на хрен, могли прикрыть. А это — дело жизни, все-таки я проработал в театре 14 лет. Нет, вру — 10. В результате Есенина играл какой-то югославский журналист в дублинге. — Вам пришлось платить неустойку? — Только потому, что Бетси была ко мне расположена, нет. — А вот интересно, как ваша жена реагировала на ваши выходы: отказался от должности профессора, от роли в Лондоне? Неужели не давила? — Люся любила меня и понимала, что я поступаю как надо. Хотя эта была несообразно ни с чем. Так что судьба меня испытывала. Меньше года спустя судьба еще попыталась меня склонить... — К сожительству? — К сожительству с вунучкой семейства Майер. А Майер Фондэйшэн — это люди, которые владели газетой "Вашингтон пост". Сорри. Так что мы берем из десерта? — Марина РАЙКИНА. Москва — Будапешт — Москва. За помощь в подготовке материала автор благодарит директора Русского культурного центра в Будапеште Валерию Платонову и директора карты Иштвана Сабо Лайоша Овари.

(Окончание в завтрашнем номере).